

Прообраз иллюзии: психологическая наука об управлении

В.И. Коннов

В статье устанавливается связь между базовыми смысловыми ассоциациями, возникающими вокруг понятия «управление», и представлениями о менеджменте как управленческом процессе. Акцент делается на двух главных образах – захвате предметов рукой и управлении организмом со стороны сознания человека. В статье анализируется вывод психологической науки об иллюзорности представлений о сознании как о структуре, обладающей контролем над организмом, а также последствий переноса такого заблуждения в сферу менеджмента.

Разговор об управлении уместно начать с определения того, что собственно вкладывается в это понятие, что за ним стоит. Любой новый термин возникает как перенос определения уже знакомого предмета на новое, зачастую более сложное явление. Корень «прав», лежащий в основе слова «управление», ведет свою родословную от древнеиндийского «prabhūṣ», что означает «превосходящий», «более сильный». Самое простое представление, связанное с этим корнем, – это более сильная правая рука. Связь между «управлением» и совершением операций рукой становится еще очевиднее в слове «руководство», а также в его синониме «манипулирование», происходящем от латинского «manipulus» – пригоршня, горсть (образуется с помощью «manus» – рука – и «plē» – наполнять). В свою очередь, наиболее часто используемое для обозначения управления организациями слово «менеджмент» происходит от итальянского «maneggiare» – делать что-либо руками, которое также восходит к латинскому «manus». Все это указывает на то, что за современным расплывчатым понятием «управление» скрывается простой образ захвата предметов рукой.

Сразу следует сказать, что способность удерживать предметы в руках и перемещать их, сыграла одну из ключевых ролей в развитии человеческой психики. Классик социальной психологии Джордж Мид писал об этом: «Человеческая рука, конечно же, при поддержке центральной нервной систе-

мы, обеспечивающей возможность совершения ею неограниченного числа различных действий, имеет ключевое значение для развития человеческого интеллекта. Человеку важно было уметь спускаться с деревьев (при условии, что его предки жили на деревьях), но значительно более важным было то, что у него сформировался большой палец, расположенный напротив ладони, что позволило ему захватывать и использовать нужные предметы. Благодаря этому мы способны буквально разламывать мир на физические предметы, в результате чего возникает среда, состоящая из объектов, которыми мы можем манипулировать и которые можем использовать как непосредственно для достижения наших целей, так и для осуществления подготовительных действий»¹.

Возможность выхватывать в буквальном смысле предметы из внешней среды позволяет выделять их в восприятии. Таким образом, развитие интеллектуальной способности воспринимать определенные, то есть отделенные от окружающей среды, объекты прямо связано со способностью человека совершать руками уникально сложные для животного мира действия. Мид высказывает важную мысль, что интеллектуальные операции всегда являются копией физических, и то, что человек вначале научился делать руками, в дальнейшем стало его важнейшей психической способностью. Отражением этого являются многочисленные образы удержания и передвижения предметов,

Коннов Владимир Иванович – к.социол.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

которыми наполнено описание интеллектуальной деятельности – «быстро схватывать», «держат в уме», «вырвать из контекста» и т.д.

Также значимы эти образы и для управления: фактически возможность схватить и передвигать по своему усмотрению, «вертеть как хочу» является «идеальной» управленческой ситуацией. Все другие методы имеют своей целью приблизиться к такому предельному контролю над управляемым объектом. Естественно, что в ситуации управления другими людьми достижение такого состояния практически невозможно.

Понятие «социальное управление» тесно связано с такими родственными понятиями, как «социальное воздействие» или «социальное влияние». Управление является частным случаем этих более широких понятий, и его отграничению служит главным образом признак целенаправленности. Под этим понятием подразумевается сознательная постановка цели, ради достижения которой осуществляется воздействие или влияние. Возможность совершать целенаправленные действия предопределяется способностью длительное время удерживать во внимании отдаленные цели и направлять свои усилия на их достижение. Эта способность – долгое время сохранять сосредоточенность на предмете, который недоступен непосредственному восприятию, – признается одним из специфических свойств человеческого сознания. В силу этого в обыденном понимании сознание воспринимается как управляющая структура человеческой психики, а сознательное управление самим собой считается вторым общедоступным представлением об управлении.

Но это тот случай, когда выводы науки прямо противоречат обывательскому здравому смыслу: современная психология склоняется к тому, что представление о сознании как об управляющей структуре организма – не более чем иллюзия. Вот, например, мнение психолога Гарвардского университета Дэниела Вегнера: «Говоря о способности человека целенаправленно действовать, мы, как правило, предполагаем, что существует субъект, который ставит цели, создает их и считает их достижение полезным. Все это, конечно же, самообман, с помощью которого мы пытаемся придать нашему поведению смысл»².

Надо сказать, что эта точка зрения не является революционной для науки XXI в. Так, например, работавший в 1930–х гг. Мид предлагает следующую оценку: «... Чем ближе мы к тому, чтобы полностью описать психологические процессы через изменения в центральной нервной системе, тем менее значимой представляется роль сознания»³. Близкую к мидовской точку зрения высказывал в 1940–х Берис Скиннер: «Мы не можем применять научные методы к предмету, который ведет себя своенравно... Если мы собрались использовать методы науки в сфере человеческой деятельности, нам придется исходить из предположения, что поведение предопределено и подчиняется закономерностям. Мы должны быть готовы признать, что действия, совершаемые человеком, – результат условий, которые

поддаются точному описанию, и, как только нам удастся установить, что это за условия, мы сможем предвидеть, а в известных пределах и предопределять человеческое поведение»⁴.

В целом же большинство психологов XX в. – среди которых Курт Левин, Хьюго Мюнстерберг, Зигмунд Фрейд и многие другие – придерживались по вопросу роли сознания аналогичной позиции. Здесь необходимо уточнить, что само понятие «сознание» имеет два смысла. Первый передает представление о том, что такое «быть в сознании» – это способность воспринимать окружающую среду и реагировать на изменения в ней. Такой вид сознания доступен самым разным животным. Сознание же человека отличается тем, что он может воспринимать себя, воспринимающего окружающий мир. Эта способность напрямую связана с речью, с помощью которой человек параллельно с непосредственным восприятием описывает его. Описания составляют так называемую вторую сигнальную систему, которая надстраивается над первой – непосредственным восприятием. Сознание во втором, исключительно человеческом, смысле в общем – то означает способность к описанию своих ощущений, вызываемых явлениями окружающего мира. Способность к такому описанию распространяется и на самого человека, благодаря чему возникает возможность видеть себя со стороны – самосознание.

Надо сказать, что область проникновения этой способности достаточно ограничена. Прежде всего ей доступна лишь небольшая часть процессов, происходящих в организме, большинство из которых контролируются центральной нервной системой без участия сознания, – сердцебиение, пищеварение, терморегуляция и т.д. Другая часть процессов, хотя и может осознаваться, большую часть времени осуществляется неосознанно – очевидный пример – дыхание. Более того, сложные моторные навыки, как, например, управление автомобилем, наиболее эффективно осуществляются без участия сознания, что известно любому более или менее опытному водителю. Отстранение сознания от деятельности также может иметь место в критических ситуациях, чему приводит примеры Мид: «В случае бегства от кого-то, кто пытается его догнать, индивид полностью вовлечен в это действие, а его опыт оказывается поглощен окружающими предметами, и, таким образом, на это время у него полностью пропадает сознание собственного я. Конечно же, чтобы это случилось, мы должны быть вовлечены в совершаемое действие полностью, без остатка, но, мне представляется, что мы вполне можем признать возможность такого опыта, протекающего без участия сознания. Мы, наверно, сможем прояснить ситуацию, сославшись на ощущения, возникающие во время совершения действий, которые требуют крайнего напряжения: на фоне таких ситуаций сознательный опыт индивида часто оказывается занят воспоминаниями и воображаемыми образами. Толстой, бывший военный офицер, рассказывает, что во время самых напряженных боев ему являлись картины из его прошлого. Также известны случаи аналогичных видений в сознании утопающих. В по-

добных ситуациях возникает контраст между опытом, абсолютно связанным внешней деятельностью, в котором не находится места осознанию себя как объекта мысли, и работой памяти и воображения, которые организуются вокруг самовосприятия»⁵.

Но даже те действия, которые осуществляются сознательно, например движения конечностей, доступны сознанию только через сенсорные процессы, то есть через ощущение изменений, возникающих в результате этих действий. Моторные процессы – импульсы, с помощью которых мозг координирует деятельность организма, не осознаются. Это означает, что сознанию доступен не процесс инициации действий, а лишь последствия их реализации. Что касается действий, которые воспринимаются как результат сознательного решения, то их совершение не является следствием желания их совершить – точнее будет сказать, что ощущение желания их совершить является процессом, сопутствующим с некоторым запаздыванием их совершению.

Этот факт позволил немецкому психологу начала XX в. Хьюго Мюнстербергу утверждать, что желание – на самом деле ощущение уже начавшегося действия, а неосуществленные желания – действия, приостановленные в самом начале. Вегнер же описывает воление как аналог эмоции – мы можем совершать какое-либо действие с радостью или с отвращением, при этом радость или отвращение лишь сопутствуют этому действию, не являясь его причиной. Точно так же мы можем совершать действия с ощущением сознательного воления или без него (автоматически), при том, что это ощущение вовсе не является его причиной⁶.

То, что момент осознания решения, который воспринимается человеком как момент его принятия, на самом деле расположен на временной шкале после его фактического принятия организмом, на более наглядно подтверждается экспериментами, использующими технологию магнитно-резонансной томографии, которая позволяет наблюдать активность головного мозга в реальном времени. Примером может служить исследование, проведенное в 2008 г. в Берлинском центре нейробиологии им. Бернштейна. Исследователям удалось выделить два участка мозговой коры, изменения в активности которых позволяли предсказывать решения участников эксперимента, заключающиеся в произвольном выборе одной из двух кнопок, за 5–10 секунд до момента осознания решения⁷.

Психологические эксперименты демонстрируют не только запаздывающий характер осознанных решений, но и приписывание сознанию действий, которые были вызваны внешними стимулами. Речь идет о стимулировании с помощью электродов, хирургически подведенных непосредственно к коре головного мозга. Такое воздействие способно вызывать в подопытных размеренные, пластичные реакции, совершенно не похожие на рывки и подергивания, которые возникают в результате электрического стимулирования мышц. В эксперименте 1969 г. американскому психологу Хосе Дельгадо удалось добиться устойчивой реакции на стимулирование определенного участка коры в виде поворо-

тов корпуса подопытного, которые выглядели как нормальные повседневные движения. При этом в ответ на просьбу объяснить причины такого движения участники эксперимента сообщали, что они повернулись по собственному желанию, а в качестве причины указывали поиск тапочек, неожиданный звук, любопытство, общее беспокойство и т.п. Действие, которое было вызвано внешним воздействием, но при этом не ощущалось как что-то необычное, моментально истолковывалось как сознательное⁸.

Схожую реакцию демонстрируют люди, подчиняющиеся постгипнотическому внушению – инструкциям, которые загипнотизированный должен выполнить после выхода из состояния гипноза. Когда людей, выполнивших эти указания, просят объяснить причины их поведения, они, будучи не способными вспомнить инструкции, полученные под гипнозом, легко изобретают причины, якобы объясняющие их действия. Примеры такого рода приводит немецкий гипнотизер конца XIX в. Альберт Мольт. Так, одной загипнотизированной женщине была дана инструкция взять со стола книгу и поставить ее на полку. После пробуждения она выполнила эту инструкцию, а когда гипнотизер попросил ее объяснить причины поступка, ответила, что она, дескать, не любит беспорядок и потому убрала книгу на место. Другой загипнотизированный, которому были даны указания завернуть цветочный горшок в полотенце, поставить его на диван и после этого трижды ему поклониться, объяснял свое поведение заботой о растении, которое могло замерзнуть, поклоны же связывал с тем, что был очень доволен своей сообразительностью⁹.

Приведенные примеры – лишь малая часть оснований, заставляющих психологическую науку сделать вывод, что управление организмом никак не может считаться главной функцией сознания. Несмотря на то что любому психически здоровому человеку сознательное управление собой кажется неоспоримым с точки зрения психологии управление организмом, скорее всего, вообще не является сознательной функцией. В биологии сознание может даже рассматриваться как занятый побочный эффект, так как для человеческого организма, несмотря на всю его сложность, оно вовсе не является необходимым. На этот счет остроумно высказывался Фридрих Ницше: «Проблема сознания (вернее, самосознания) лишь тогда встает перед нами, когда мы начинаем понимать, насколько мы могли бы обойтись без него: к этому началу понимания приводят нас теперь физиология и естественная история животных... Действительно, мы могли бы думать, чувствовать, хотеть, вспоминать, равным образом могли бы мы “действовать” во всяком смысле слова, и, однако, всему этому не было бы никакой нужды “включиться в наше сознание” (говоря образно). Жизнь была бы вполне возможна и без того, чтобы видеть себя как бы в зеркале. Впрочем, еще и теперь преобладающая часть этой жизни протекает в нас фактически без этого отражения, – и притом мыслящей, чувствующей, волящей жизни, сколь бы обидно ни звучало это для какого-нибудь более старого философа»¹⁰.

Но подобная точка зрения оказывается полностью несовместимой с социальной психологией. Задачей этой отрасли психологической науки является объяснение общественных процессов с точки зрения психических, внутренних явлений. И вот здесь исследование всех ключевых феноменов, начиная с языка, необходимо требует признать сознание главным инструментом построения социальных отношений. Такое положение дел дает мощное основание тому, что главная функция сознания – коммуникативная. Именно в этом направлении движется мысль Ницше в продолжении приведенного выше афоризма из «Веселой науки»: «К чему вообще сознание, раз оно, по существу, излишне? ... Я вправе перейти к догадке, что сознание вообще развивалось только под давлением потребности в общении, что оно с самого начала было необходимо и полезно лишь в отношениях между людьми (в особенности между повелевающим и повинующимся) и что само развитие его находилось в прямой зависимости от степени этой полезности. Сознание есть, по существу, лишь коммутатор между человеком и человеком – лишь в качестве такового должно было оно развиваться: отшельническим и хищным натурам оно было бы ни к чему. То, что наши поступки, мысли, чувства, движения сами вошли в сознание – по крайней мере частично, – было следствием “нужды”, страшно долгое время господствовавшей над человеком: он нуждался, будучи рискованным животным, в помощи, защите, он нуждался в себе подобном, он должен был выражать свою нужду, уметь толком объясняться, – и для всего этого ему необходимо было прежде всего “сознавать”, стало быть, “знать”, чего ему недостает, “знать”, каково у него на душе, “знать”, что он думает¹¹».

Мид – один из главных представителей теории социального происхождения сознания, приводит свой анализ содержания и происхождения сознания в уже цитированной работе «Разум, самость и общество». Содержание сводится к двум основным элементам: внутреннему диалогу и образам. Оба они являются, по сути, операциями с условными обозначениями предметов – символами, и, исходя из этого, истоки сознания следует искать именно в их происхождении. Историческим предшественником символа является жест. В животном мире жест – начальная стадия действия одной особи (например, оскал как подготовка нападения), одновременно информирующая об этом действии другую особь. При этом жест вызывает разные реакции в адресате сообщения и в самой совершившей жест особи. В приведенном примере для первой он означает необходимость защищаться, для второй – начало нападения. Символом жест становится, когда приобретает одинаковое значение и для автора сообщения, и для того, кому оно адресовано, то есть одинаково воспринимается обоими участниками коммуникации. Жест в изначальном смысле, который он имел, до того, как он превратился в символ, можно наблюдать, например, в боксерском поединке: рука, начинающая движение, для одного означает удар, для другого – уход или защиту. В то же время

потрясание кулаком как символ угрозы для обеих сторон коммуникации означает одно и то же. Таким образом, отличительной чертой символа является общее значение для всех участников коммуникации.

Но для того чтобы жест превратился в символ, необходимо возникновение способности смотреть на себя со стороны, воспринимать свои действия так же, как их воспринимают другие. Наиболее удобным способом использования символов служит речь, которая обеспечивает возможность одновременно сообщать другим и слышать самого себя, поэтому язык становится основным коммуникативным инструментом. Символ приобретает значение общей реакции – вызывая его в сознании, индивид получает возможность предположить реакцию на него со стороны других людей. Но при этом он также приобретает способность наблюдать собственную реакцию на предъявленный символ-стимул. Символы как способ вызывания общей реакции становятся пригодными для вызывания реакции в самом себе, и индивид получает возможность прорабатывать воздействие с помощью символов прежде чем их использовать. В этом, возможно, главное преимущество сознания – способность самому осознавать сообщения, адресованные другим. Подтверждением этой точки зрения служит сам термин сознание – по сути, это совместное знание. Английское «consciousness», повторяющее аналогичный латинский термин, означает то же самое.

Таким образом, сознательно воспринимать что-либо – значит перевести восприятие в символы. На то, что главной функцией сознания является описание, а никак не управление, указывает и то, что сознательное сосредоточение на действии способно вызывать его замедление и, как следствие, сбой, причем, чем лучше отработан навык, тем вреднее для него сознательное внимание. Это можно объяснить тем, что сознание, пытаясь описать действие, пытается его замедлить и разбить – «разломать» – на составные части. Возникнув, эта способность начинает интенсивно развиваться, способствуя появлению самосознания – описанию в системе символов самого себя. Это представление о себе самом Мид характеризует как самость, включающую два элемента – «I» и «Me». Me – это все то, что мы знаем о себе, – биография, мотивы наших действий, желания. I – это то, что остается непознанным, так как сознание не способно воспринимать организм в реальном времени. Он оценивается по уже свершившимся событиям, о которых сообщают сенсорные процессы, и наше знание о себе самих – это рассказ об уже происшедшем – элемент Me все время пополняется, двигаясь вдогонку за I, которое является субъектом действия, но всегда остается непознанным.

Главной задачей элемента Me было формулирование все более детальной информации о себе для передачи другим. Такое самовосприятие подразумевает описание самого себя как внешнего объекта. При этом оно является производным от все той же способности удерживать предметы в руках и оперировать ими – на это косвенно указыва-

ют такие выражения, как «держать себя в руках», «справляться с собой» и т.п. Из этой связи – навыка хватать предметы и способности осознавать себя как объект мысли – следует перенос идеальных отношений управления – возможности «вертеть как хочу» – к отношениям сознания и организма, при том, что они конечно же чрезвычайно далеки от него.

Если принять аргументацию, изложенную выше, то логичным образом возникает вопрос: откуда взялось представление о сознании как управляющей структуре организма? Одной из попыток ответить на этот вопрос является теория психолога Принстонского университета Джулиана Джейнса. Согласно ей, осознание самого себя в качестве действующего субъекта является культурным феноменом. Он повсеместно распространен в современной цивилизации, но возник сравнительно недавно – примерно на рубеже 2-го и 1-го тысячелетий до н.э. Человек, по мнению Джейнса, не рождается с этим представлением, а приучается к такому образу мыслей. Принимая утверждение, что сознание производно от языка, этот автор считает, что последний возник на одиннадцать тысяч лет раньше – примерно в 12-м тысячелетии до нашей эры. Сознание же, по мнению Джейнса, начинает формироваться в районе 1200 г. до н.э. и окончательно складывается приблизительно к 1000 г. до н.э.

Главным основанием для таких выводов Джейнсу послужил анализ дошедших до нас древних письменных памятников. Произведения, относящиеся к периоду от начала 3-го тысячелетия до н.э. до XII в. до н.э., обладают общей чертой: в них содержатся исключительно описания действий и их оценок. Они не содержат никаких рефлексий – сомнений, обдумывания альтернатив и т.п. Эта тенденция начинает преобразовываться с XII в. до н.э. и практически полностью меняется к X в. до н.э. – литературные памятники, возникшие после этого, уже гораздо больше похожи на современные. Такого рода характерным документом Джейнс считает поэму Гомера «Илиада», в которой описывается Троянская война, относящаяся примерно к 1230 гг. до н.э. Все действия ее героев описываются как исполнение указаний античных богов – они вдохновляют гнев, вселяют страх или повелевают совершить определенные действия.

Герои не занимаются обдумыванием этих указаний, а, повинаясь им, непрерывно действуют. Они по-разному принимают последствия своих поступков – с горем, равнодушием или ликованием, но безо всяких сожалений насчет ошибок и переживаний насчет того, что можно было бы поступить иначе. Джейнс признает такое описание психики достоверным, считая, что источником «божественных указаний» был мозг античного человека. Если говорить о современных людях, то, также как и древние, они подвержены влиянию неожиданных желаний и решений, спонтанно возникающих в сознании.

В современной культуре их принято приписывать внутреннему источнику – проявлению своей воли: «я захотел», «я решил» и т.д. Этот источник

недоступен сознанию, но тем не менее ассоциируется с внутренним миром человека. Древние же считали источником этих неожиданных импульсов сверхъестественных существ – богов, призраков и вождей, обладающих магической силой. Они слышали этих богов точно так же, как современный человек «слышит» свой внутренний голос, но считали его внешним – потусторонним. След такого мышления сохранился во многих языках, в том числе и в русском, например, в таких оборотах, как «мне кажется» вместо «я считаю», «мне захотелось» вместо «я хочу», в сущности указывающим на внешние причины внутренних переживаний. Так же, как и их предки, современные люди «слышат» спонтанные решения в своем сознании, но четко различают внутреннюю речь и внешние звуки, в то время, как у древних механизм различения срабатывал гораздо хуже. В этом смысле можно сказать, что они постоянно испытывали слуховые галлюцинации, суть которых заключается именно в неспособности отличать явления своего внутреннего мира от внешних явлений.

Джейнс считает, что в Древнем мире галлюцинации были несравненно более распространены, так как, во-первых, не существовало ни препаратов, подавляющих такие состояния, ни культурной установки на их лечение – галлюцинирование воспринималось как норма; во-вторых, галлюцинации возникают в стрессовых ситуациях, встречавшихся в древних цивилизациях несравненно чаще. Таким образом, этот автор признает древнего галлюцинирующего человека обладателем «бикамерального разума»: «Мы можем назвать ментальность микенцев бикамеральным разумом, который противопоставляется нашему субъективному сознательному разуму. Воление, планирование, инициативность организуются без какого-либо намека на сознание и преподносятся индивиду на знакомом ему языке, иногда в сопровождении видений – близкого друга или кого-либо, обладающего авторитетом, или же в виде бога, а иногда и просто как голос»¹².

Бикамеральность подразумевает разделение психики человека на две инстанции – «бога», которому приписывались желания и решения, и «последователя», который следует его указаниям. Главной функцией «бога» было длительное удержание внимания человека на определенной деятельности, например на заточке орудия или изготовлении одежды. Сейчас способность длительное время целенаправленно трудиться ради достижения отдаленной цели ассоциируется с «высокой мотивацией», под которой подразумевается своего рода одержимость некоторой задачей, постоянно удерживаемой во внимании человека. Источником такой мотивации считается сама личность, хотя и признается, что человек не способен сознательно регулировать наличие или отсутствие мотивации. Ее источник – это опять же скрытое от сознания мидовское I. Древние же признавали ее источником своих богов.

В рамках сообществ, численность которых не превышала нескольких сотен, возможно было поддерживать иллюзию, что ко всем его членам об-

ращается один и тот же вождь, предок или божественный покровитель. Однако, по мере увеличения численности цивилизаций и количества контактов между ними, становились слишком очевидны различия в воле различных богов, что было первым шагом на пути формирования представлений об индивидуальной воле, движущей человеком, которая в дальнейшем оказалась связана с его сознательной личностью.

Первой цивилизацией, демонстрирующей перемены, которые можно считать признаком сформировавшейся субъективности, Джейнс считает Ассирийскую империю. Она возникла около 1480 г. до н.э. Последней бикамеральной цивилизацией он полагает цивилизацию микенцев, завоеванную дорийцами в XIII–XII вв. до н.э. Последовавший за этим расцвет греческой культуры, начавшийся в X в., проходит, по мнению этого автора, уже под знаком преобладания субъективной психики. Концепция Джейнса – это не более чем гипотеза. Вряд ли когда-нибудь удастся однозначно установить, имели ли место описанные им изменения в психике человека. Но главная ее ценность заключается в том, что она убедительно продемонстрировала: человеческая психика может существовать без представлений о сознании индивида как источнике управляющей им воли.

В результате мы имеем два основных образа, с которыми тесно связано понятие «управление». Первый – это буквальное управление предметом рукой, второе – иллюзия управления организмом со стороны сознания. В сущности, они представляют собой два полюса континуума управленческих ситуаций. Чем более предсказуемыми являются управляемые и чем сильнее буквальный физический контроль над ними, тем ближе управление к первому образу, естественно, никогда ему полностью не соответствуя. Сюда можно отнести ситуации управления малой группой с неограниченным правом управляющего применять насилие.

Чем больше коллектив, чем сложнее он организован и чем более ограничены и формализованы полномочия управляющего, тем более иллюзорна управленческая ситуация и тем больше роль управ-

ляющего похожа на роль сознания, описывающего само себя как источник решений, но на самом деле способное лишь следовать за развитием событий. Большинство менеджерских ситуаций конечно же расположено значительно ближе к этому полюсу континуума. Из этой аналогии следует, что положение управляющего – менеджера – в них характеризуется:

- наличием только запаздывающей информации и отсутствием представлений о том, что происходит в реальном времени;
- предопределенностью решений до того, как они формально принимаются;
- отсутствием возможностей непосредственно контролировать исполнение решений, когда можно лишь реагировать на последствия.

Таким образом, изначально доступный человеку образ – сознательное управление самим собой – является, по сути, иллюзией, и, учитывая, что этот образ логически предшествует представлению об управлении организациями, будучи перенесенным в область менеджмента, он влечет за собой перенос связанных с ним особенностей и заблуждений. И это, возможно, самое важное, что открывается взгляду, направленному на социальное управление через призму психологии.

Konnov V.I. Preimage of an Illusion: Psychological Science on Management.

Summary: The article establishes the connection between basic associations, which arise around the term “control”, and the understanding of management as a controlling process. Two basic images are examined, seizure of objects by hand and control of the human organism by consciousness. History of the psychological research of the role of consciousness in the human psyche brings to the conclusion that the controlling role of consciousness is an illusion. But given that the image of consciousness as the controlling structure logically precedes the understanding of the process of social control, misconceptions arising from the former are transferred into management theories, despite being disproved by the psychological science. The article analyses the consequences of this transfer.

Ключевые слова

Сознание, психология управления, социальная психология, менеджмент.

Keywords

Consciousness, psychology of management, social psychology.

Примечания

1. Mead G. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1934. P. 249.
2. Wegner D. The illusion of conscious will. Cambridge: The MIT Press, 2002. P. 147.
3. Mead G. Op. cit., p. 28.
4. Skinner B. Science and human behavior. New York: The Free Press, 1955. P. 6.
5. Mead G. Op. cit., p. 137.
6. См.: Wegner D. Op. cit., pp. 317–343.
7. См.: Soon C.S., Brass M., Heinze H.-J. & Haynes J.-D.. Unconscious determinants of free decisions in the human brain // Nature Neuroscience, 2008, vol. 11, No 5. P. 543–545.
8. См.: Delgado J. Physical control of the mind: toward a psychocivilized society. New York: Harper and Row, 1969.
9. См.: Wegner D. The illusion of conscious will. Cambridge: The MIT Press, 2002. P. 149–150.
10. Ницше Ф. Утренняя заря. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре». Переоценка всего ценного. Веселая наука. Минск: Харвест, 2003. С. 827–828.
11. Там же. С. 828–829.
12. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 2000. P. 75.